

МАГНИТНЫЕ ПОЛЯ

НОЧИ ДЕТСТВА

И когда загорались огни на реке,
Я любил всех людей, что живут вдалеке,
Всех людей, что вблизи,
всех людей, что вдали,
Всех людей, что исчезли за краем земли.

Пропадали огни. Становилось темно.
Но мерцала любовь всё равно, всё равно.
Подбирался белесый к душе холодок...
Только стать одиноким уже я не мог.

* * *

Глинистый берег. Синеющий лес.
Всё как и было вначале.
Знать, не бывает на свете чудес,
Кроме любви и печали.

Все, что осталось — любовь да печаль, —
Нежность царапает горло.
Небо исчёркано словом «прощай», —

Птица мелькнула —
и стёрла.

Солнечный свет убывает уже,
И тишина прибывает.
Разве бывает так тихо душе?
Господи,
разве бывает?

* * *

Ни ухабов, ни рытвин, ни кочек, —
Просто на удивленье гладка,
Безнадёжно забыт колокольчик,
Но дорога пылится слегка.

И слеза набегает от ветра,
От сиянья июньских небес,
И на тридцать лихих километров
Только поле, да воля, да лес.

Да висит одинокая птица
В недоступной густой тишине.
А дорога пылится, пылится —
Что для счастья довольно вполне.

И все тридцать лихих километров
Красота застилает глаза.
Неужели же только от ветра
Набежала на очи слеза?

Неужели же в горле щекочет
Лишь от пыли, клубящейся вслед?
Или, всё же, гремит колокольчик
Через тьмы расстояний и лет.

ДУХОВНОСТЬ

Одни пред самым аналоем
Стоят почти партийным строем
И свечи держат, как стаканы,
И морды их непокаянны.

Другой за сотню вёрст от храма
Живёт в селе Большая Яма, —
Подъёмлет очи к небесам
И Бог

к нему

нисходит

сам.

* * *

Между мной и Богом никого:
Ни врага, ни друга, ни любимой.
Между мной и смертью ничего —
Только время, хлещущее мимо.

Между мной и небом не стена —
Так, сквозная дымка голубая.
Между мной и далью тишина
И простор от края и до края.

Мне никто не может помешать
И помочь. Ни в чём, никак, нисколько...
Начинаю это понимать.
Только начинаю,
только-только.

ПЕРЕВОДЧИК

Под тихое мерцанье
Млечного пути
Всю тяжесть мирозданья
В любовь перевести.
И канув без остатка
В магнитные поля
Почувствовать, как сладко
С тобой, моя Земля,
Преодолевшим ужас...
И краешек зари
Предугадать снаружи
И ощутить внутри.

* * *

Я по Волге уплыл, а по Лете
Неизвестно когда ещё плыть.

Не любите меня, не жалеите, —
Я умею жалеть и любить.

Так-то вот. Я опять не в обиде, —
Все в родимой развевалось мгле.
Не жалеите меня, не любите, —
Мне и так хорошо на земле.

Убывают деньки, убывают,
Все быстрее пропадая вдали.
Но такие минуты бывают, —
Хочешь — пой, хочешь — просто скули.

И, казалось бы, что там осталось, —
Скоро ветры завоют к зиме,
Но опять эта вечная жалость
Ко всему, что живёт на земле.

Все быстрее, быстрее, быстрее —
До весёлого свиста в душе.
Все острее, острее, острее
Я люблю.

И не поздно уже.

* * *

Ночь в октябре беспробудна.
Мрак наплывает на мрак.
Господи, как это чудно!
Господи, радостно как!

Память свою не обидеть,
И под осенним дождём
Тьму золотую увидеть
И помолчать
обо всем.

* * *

Родная тишина и гул родимый.
И ветер, никогда не бьющий мимо
Души. И запах поля и воды.
И нежность — от былинки до звезды.
И память растворённая в просторе —
Родное счастье не роднее горя...
И мальчик, превратившийся в меня,
Бредёт куда-то на излёте дня.

* * *

Отчего так чисто и тревожно...
Я и сам не понял — почему.

Отчего от букв заплакать можно?
Видно, потому что потому.

Потому что мама мыла раму
В букваре, в далёком сентябре.
Потому что в школьную программу
Прилетала птица на заре.

Потому что лился из окошек
Грустный свет, и нет ему конца.
Потому что у собак и кошек
Разглядеть умел черты лица.

Потому что сухо в теореме,
А на свете больно и светло,
Потому что истекает время,
Но пока ещё не истекло.

Потому что в том, что объяснилось
Чуда нет. Но тайна – смерть и жизнь...
Потому что, так судьба сложилась.
Потому что звёзды так сошлись!

КАМСКОЕ УСТЬЕ

Там, где Кама впадает в Волгу,
Там, где Волга впадает в память,
Я стою и смотрю подолгу
На простор, что не сможет растяять.

Постою и безвестно кану,
И растаю светло и немо
Там, где Волга впадает в Каму,
Там, где Кама впадает в небо.

КУРМЫШИ

Захолустье. Курмыши.
Где Тверская, Невский?
И брожу один в глуши
Я – Борис Скотневский.

Впрочем, что ж я, боже мой,
Городок не вымер –
Игорь Мельников со мной,
И Мисюк Владимир.

Я стихи их бормочу,
Хоть торчу в сугробе.
Я в Европу не хочу, –
Я и так в Европе.

Тьма таинственна, как сон,
Свет над звёздной бездной.
Слышишь, слышишь чудный звон?
Видишь град небесный?!

Бродят три родных души...
Закоулки. Здания.
И мерцают курмыши –
Центр мироздания.

